

«Soła bowiem jeśliby źwietrzała – górze leżące. 15 Ani zapalają świece, czymże będą solić. niczemu już się i stawiają jej pod korzec, ale na dalej nie godzi jedno żeby ją na świecznik, i świeci wszystkim, którzy podeptanie od ludzi» (л.8 об) są w domu..

Менавіта аўтарская трансфармацыя біблейскіх вобразаў-сімвалаў ляжыць ў аснове стварэння мастацкай прасторы плачу Маці-Царквы. Персаніфікаваныя абстрактныя катэгорыі свецкай і хрысціянскай маралі, іх дыдактычны алегарызм – гэта толькі адзін з элементаў мастацкай сістэмы твора. У цэлым жа сэнсавы змест сімвала аб'ектыўна рэалізуе сябе як дынамічная тындэнцыя: ён не дадзены, а зададзены, запраграмаваны [Аверинцев, с.156]. Так пазнавальна-эстэтычная структура біблейскіх сімвалаў – маці, удавы, плачу знішчанай у Божым гневе грэшнай дачкі Сіёна – знаходзіць вобразнае ўвасабленне ў рэчышчы Барока. Мастацкая і культурная каштоўнасць біблейскай сімволікі паўстае перад чытачом ва ўсім універсалізме духоўнага свету Хрысціянства.

Літаратура

1. [Smotrycki M.] Lament. Wilno, 1610. – /фотакопія: л. 1-21 нум./
2. Biblia Święta to jest Księgi Starego y Nowego Przymierza z Żydowskiego y Greckiego Języka na Polski pilnie y wiernie przetłumaczone. – Cyfrowa kopia oryginalnego wydania Biblii Gdańskiej z 1632 roku. – Mode of access: <http://www.bibliagdanska.pl/> Mode of access: http://pl.wikisource.org/wiki/Biblia_Gda%C5%84ska
3. Lurker M. Sownik obrazów i symboli biblijnych. – Poznań: Pallotinum, 1989.
4. Naumow A. «Biblijny budulec modlitw św. Cyryla biskupa Turowa» // Biblia w literaturze i folklorze narodów wschodnioslawianskich / Red. – Kraków: Universitas, 1998)
5. Аверинцев С.С. Символ // Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. 2-е, испр.изд. – К.: Дух і Літера, 2001.
6. Короткий В.Г. Творческий путь Мелетия Смотрицкого. – Мн., 1988
7. Лазука Б.А. Беларускае Барока. – Мн.: 2001.

КАТЕГОРИЯ АЛЛЕГОРИИ В АНТИЧНОЙ РИТОРИКЕ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОСТИЛИСТИКЕ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ

А. Г. Терехова

Интерес к аллегории менялся с течением времени. Эта категория встречается почти у всех античных риториков, но у каждого она занимает определенное место. Так, в эпоху эллинизма, у Трифона в его трактате «О тропах» аллегория рассматривается среди других тропов, ей посвящена отдельная статья, после метафоры и катахрезы, но статья значи-

тельно меньше, чем остальные (дается дефиниция и один пример). Но уже в 1 в. н. э. Квинтилиан в «Воспитании оратора» уделяет аллегории значительное внимание, рассматривая ее с разных сторон. Позже, в Византийскую эпоху, интерес к аллегории возрастает в связи с христианским вероучением. Хировоск (6 в. н. э.) в трактате «О поэтических тропах» выводит аллессию на первое место, то есть аллегория становится более значимой, чем метафора, чего у авторов прежних эпох не встречалось.

В современной лингвостилистике аллегория «представляет собой троп метафорического типа, настолько близкий к метафоре, что его часто называют «систематизированной метафорой», поскольку аллегория наиболее последовательно переводит мысль в «картину»» [7, с.189].

Посмотрим, различалась ли суть аллессии на протяжении времени.

По Трифону, «аллегория есть изречение, которое, показывая что-то иное в собственном смысле слова, дает понятие иного по подобию в наибольшей степени» [2, с.193].

У Квинтилиана следующая дефиниция: «аллегория, которую интерпретируют как иносказание, или обозначает иное словами, иное по смыслу, или также иногда обозначает противоположное» [1, с.87].

У Хировоска «аллегория есть выражение, называющее что-то другое и передающее другое понятие» [3, с.245].

Если сравнить эти дефиниции, то заметно, что Хировоск определяет аллегорияу также как и Трифон. Очевидно, что византийская традиция опиралась на эллинистическую, развивая и дополняя ее. У Квинтилиана несколько другой подход. Его определение шире, в нем появляется понятие противоположности (contrarium).

Современное определение дадим по Квятковскому: «Аллегория = иносказание; изображение отвлеченной идеи посредством конкретного, отчетливо представляемого образа» [6].

Главное отличие современной дефиниции аллессии от античных в том, что она базируется на понятии образа, чего мы не встречаем у античных авторов.

Рассмотрим подробнее аллегорияу у Квинтилиана. Он выделяет несколько разновидностей аллессии:

1. чистая аллегория или, как называет ее Квинтилиан, аллегория «из соединения метафор».

В качестве примера автор приводит строки из оды Горация «К республике»:

*O navis, referent in mare te novi
Fluctus: o quid agis? Fortiter occupa
Portum
О корабль, вот опять в море несет тебя*

*Бурный вал. Удержись! В гавани якорь свой
Брось!*

(Пер. А. Семенова-Тян-Шанского)

Данный пример представляет собой цепочку, состоящую из нескольких метафор: слово «корабль» (*navis*) используется вместо понятия «республика», «бурный вал» (*fluctus*) вместо «гражданские войны», «гавань» (*portum*) вместо «мир и согласие».

2. смешанная аллегория, которая, по мнению Квинтилиана, встречается намного чаще, чем чистая. Такое происходит, когда в аллереорию чистую «вмешиваются выражения, которые делают ее открытой, ясной» [1, с.88].

Пример смешанной аллереории приводится из «Речи в защиту Тита Анния Милона» Цицерона:

Equidem ceteras tempestates et procellas in illis dumtaxat fluctibus et contionum semper Miloni putavi esse subeundas.

Я, правда, всегда думал, что Милону, во всяком случае, на бурных народных сходках еще предстоит испытать немало гроз и ураганов.

(Пер. В.О. Горенштейна)

Квинтилиан объясняет, что если бы не было слов «*dumtaxat fluctibus contionum*» («на бурных народных сходках»), то была бы чистая аллегория, а так она смешанная. В этом виде аллереории «красота возникает благодаря придуманным словам, а понимание – благодаря подлинным» [1, с.88].

Кроме того, по Квинтилиану, аллегория может быть как литературным явлением, так и выражением, встречающимся в обыденной речи:

3. литературная аллегория.

Пример взят из «Буколик» Вергилия:

Certe equidem audieram qua se subducere colles

Incipient mollique iugum demittere clivo

Usque ad aquam et veteris jam fracta cacumina fagi

Omnia carminibus vestrum servasse Menalcan.

Все ж говорят, и не зря, что оттуда, где начинают

К нашей равнине холмы спускаться отлогим наклоном,

Вплоть до реки и до тех обломанных бурей бунов

Песнями землю свою ваш Меналк сохранил за собою.

(Пер. С. Шервинского)

В этом примере Меналк – аллегория Вергилия.

4. просторечная аллегория или, по Квинтилиану, *detrita* («приевшаяся, избитая»).

Такая аллегория встречается в судебных речах в следующих выражениях:

Pedem conferre – нести вместе ногу, то есть идти бок о бок.

Iugulum petere – домогаться горла, то есть приступить с ножом к горлу.

Sanguinem mittere – пустить кровь, то есть похолодеть от ужаса.

Также Квинтилиан говорит об употреблении *allegoria detrita* в пословицах, как например: *Dionysium Corinthi esse – Дионисий в Коринфе, то есть быть в ссылке* (здесь речь идет о Дионисии (367–344 гг. до н. э.) наследнике Дионисия, тирана Сиракуз, который в 344 г. был сослан в Коринф) [9].

По Квинтилиану, существуют недостатки (*vitia*) в употреблении аллегории:

1. когда аллереорию начинают одним видом метафоры, а заканчивают другим: «многие, взяв метафору от бури, заканчивают выражениями, заимствованными от пожара или разрушения, какая безобразнейшая непоследовательность вещей» [1, с.88].

2. темная, непонятная аллегория, которая является загадкой: «это есть порок, так как совершенство речи состоит в ясности» [1, с.88].

Рассмотрев античную аллегория, возвратимся к современной категории аллегории для того, чтобы определить, стала ли она пониматься шире, чем античная.

В современной традиции аллегория уже «выходит за рамки естественного языка, являясь элементом языка культуры» [8, с.33]. Аллегория рассматривается в живописи, кинематографии и других видах искусства. С точки зрения современной лингвостилистики «аллегория в языке, как правило, не лексема, а отрезок текста. Однако аллегория может быть концентрированно представлена и одним словом (ср. пример А.Квятковского из Пушкина: «Прекрасный царскосельский сад./Где льва сразив, почил орел России мощной /На лоне мира и отрад»; здесь лев – аллегория Швеции)» [8, с. 33].

У Квинтилиана мы также встречаем аллегория, представленную на отрезке текста, в котором последовательно разворачивается метафорическая цепочка, как пример из Горация (корабль = республика – бурный вал = гражданские войны – гавань = мир и согласие). А также, встречается аллегория из одного слова. Это видно на примере из Вергилия (Меналк = Вергилий). Квинтилиан называет такую аллегория «без метафоры» («*sine translatione*»), что с точки зрения современной лингвостилистики невозможно, так как «аллегория есть не только сложная метафора, но и полная, в том смысле, что она в целом другого значения, кроме метафорического, не имеет. Если какая-нибудь часть этого целого не метафорична, это уже не будет аллегория» [8, с.32].

Таким образом, мы видим, что у Квинтилиана аллегория – это чисто языковое явление, тогда как в современной традиции аллегория представлена не только в языке, но является и элементом культуры.

Литература

1. *Maisferd (Ed.) Quintiliani M. Fabii Institutiones oratoriae. Liber VIII.* – Lipsiae, 1887.
2. *[Τρόφωνος περὶ τρόπων //] Spengel L. (Ed.) Rhetores Graeci. Vol. III.* – Lipsiae, 1856. – S. 193.
3. *[Γεωργίου του Χοιροβόσκου περὶ τρόπων ποιητικῶν //] Spengel L. (Ed.) Rhetores Graeci. Vol. III.* – Lipsiae, 1856. – S. 245.
4. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. – Репринт V-го издания 1899 г. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. – 1370 с.
5. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2003. – 846 с.
6. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 376 с.
7. *Клюев Е.В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). – М.: «ПРИОР», 1999. – 272 с.
8. *Никитина С.Е., Васильева Н.В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. – М.: Российская АН. Институт языкознания, 1996. – 172 с.
9. *Словарь античности.* Пер. с нем. – М.: 1993. – 704 с.

ОБРАЗ ПОЛИТИКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

Ю. С. Тулейко

В современном мире печать выступает в роли одного из основных элементов культуры. Роль газетных публикаций в области политики сегодня огромна, поскольку она успешно манипулирует общественным сознанием, общественным выбором, которые формируются на основании представленных в прессе определенных образов и концептов.

Данная работа посвящена исследованию специфики концептуального образа политика на материале современной французской прессы. В области данного аспекта уже были проведены исследования. Так, Павлюк Е. О. в своей работе под названием «Категоризация отрицательных моральных качеств во французской языковой картине мира» определил культурно-национальную специфику образа человека, представленного во фразеологическом материале русского языка. Оксенчук А. Б. выявила особенности категоризации отрицательных моральных качеств человека, определила их концептуальное содержание на примере реконструкции концептов ЖАДНОСТЬ, РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ, ЭГОИЗМ, РЕВНИВОСТЬ, ТЩЕСЛАВИЕ, ЛЕНОСТЬ. Федосеева А. С. исследовала понятийное поле «некрасивого» в системе старофранцузского языка. Ухвановой И. Ф. была разработана типология политических лидеров ИНДИВИДУАЛИСТ, БОРЕЦ, ДЕМОКРАТ, УЧИТЕЛЬ.

Постоянно изменяющееся общество является живым источником для написания газетных статей (в данном случае нас интересуют издания преимущественно политического содержания), откуда можно черпать информацию о новых событиях и личностях или о событиях и именах